

Виталий Тихонов

ВЗЛОМ ШИФРА: КРИТИКА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО НАРРАТИВА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920-Х ГГ.

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН; tihonovvitaliy@list.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу роли историографических штудий 1920-х гг. советских историков-марксистов в критике национально-государственного нарратива дореволюционной российской историографии. Безусловным вдохновителем широко развернувшейся критики стал М. Н. Покровский. Он же организовал в Институте красной профессуры историографический семинар, на котором, помимо прочего, исторические концепции анализировались сквозь призму презентации в них истории нерусских народов. В контексте политической ситуации 1920-х гг. анализируются тексты (как опубликованные, так и нет) М. Н. Покровского, З. В. Лозинского, М. А. Рубача, А. В. Шестакова, С. А. Пионтовского. Демонстрируется, что историографические тексты выполняли функцию радикальной деконструкции (дешифровки) мифов дореволюционных историков XIX — начала XX в., выявления их классово-сущности, разоблачения их как проявления «великорусского шовинизма». Такая «историографическая зачистка» открыла дорогу реформативанию презентации отечественной истории и переходу от «Истории России» к новому историческому проекту — «Истории народов СССР».

Ключевые слова: антиколониализм, советская историография, М. Н. Покровский, национально-государственный исторический нарратив, история народов СССР.

Tikhonov Vitaly Vitalievich, Doctor of Historical Sciences, Leading Research Worker at Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; tihonovvitaliy@list.ru

Abstract: The article is dedicated to the consideration of Soviet Marxist historiography of the 1920s. The main object of analysis is criticism of the national-state narrative of pre-revolutionary Russian historiography. The inspiration for the widespread criticism was M. N. Pokrovsky. He organized a historiographical seminar at the Institute of Red Professorships, where historical concepts were analyzed in terms of their presentation of the history of non-Russian peoples. This article focuses on the political situation of the 1920s. In this context, published and unpublished texts by M. N. Pokrovsky, Z. V. Lozinsky, M. A. Rubach, A. V. Shestakov, S. A. Piontkovsky are explored. It is concluded that historiographic texts served as a radical deconstruction of the myths of pre-revolutionary historians of the 19th — early 20th centuries. In addition, historians revealed the "class essence" of their predecessors and exposed their ideas as manifestations of "Great Russian chauvinism". This "historiographic cleansing" opened the way for reformatting national history and the transition from "History of Russia" to a new historical project — "History of the Peoples of the USSR".

Keywords: anti-colonialism, Soviet historiography, M. N. Pokrovsky, national-state historical narrative, history of the peoples of the USSR.

Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 23-18-00303 по теме «Советский исторический нарратив: содержание, акторы и механизмы конструирования».

Vitaliy Vital'evich Tikhonov

Breaking the Cipher: Criticism of the Russian National-State Narrative in Soviet Historiography of the 1920s

DOI: 10.33280/3034-3216.2024.68.92.007

Российская историография в XIX — начале XX в. представляла собой сложную систему, в которой конкурировало множество форматов историописания, концептуальных подходов и нарративных стратегий. В целом это отражало динамику и противоречия развития самой Российской империи. Однако можно выделить своеобразный мастер-нарратив, сутью которого было представление об исторически обусловленном расширении России, сочетавшем рост могущества русского народа (нации), завоевание территорий и их колонизацию. Он был представлен (где-то в большей, где-то в меньшей степени) в трудах ведущих историков того времени — Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, И. Д. Иловайского и др. В сильно упрощенной форме он входил и в официальную идеологию. Спецификой мастер-нарратива являлось то, что он пытался сочетать ряд компонентов: 1) династическую историю (впрочем, во второй половине XIX в. она становилась все менее акцентированной); 2) национально-государственную историю, когда русские рассматривались в качестве «исторического народа», воплощением чего и стала великая империя; 3) христианский (православный) мессианизм, к концу XIX в. трансформировавшийся в представление о культурной миссии России как форпоста Европы в Азии; 4) экспансионизм, военный и хозяйственный (концепция колонизации), объясняемый комплексом представлений, в том числе и о «естественных исторических рубежах»; 5) представление о достаточно успешной ассимиляции инородцев или их инкорпорации в имперскую систему.

По мере роста национального сознания на окраинах империи, развития здесь местных образовательных и интеллек-

туальных центров возникали и конкурирующие исторические концепции и нарративы, в которых конструировалась национальная идентичность, противопоставляемая общеимперской и подрывающая ее.

Пришедшие к власти большевики включились и в грандиозные национальные процессы¹. Они рассчитывали возглавить национальные движения, предложив тактику форсированного развития наций и их культур, что должно было не только привлечь на сторону большевиков многочисленные нерусские народы, но и в дальнейшем, как предполагалось, способствовать их переходу к социалистической фазе развития. Историческое знание рассматривалось в качестве одного из инструментов, «культурной технологией» достижения этой цели. Важной особенностью советской историографии 1920-х гг. стал ее отчетливый антиколониальный пафос.

В современной историографии наследие историков-марксистов 1920–1930-х гг. оценивается скорее негативно, как проявление «детской болезни левизны». Во многом эта традиция идет от их оппонентов, представителей старой академической элиты, как оставшихся на родине, так и оказавшихся в эмиграции. Однако в последнее время можно наблюдать рост интереса к ранним текстам советской марксистской историографии, в частности в контексте развернувшейся в мировой гуманитаристике дискуссии об (анти)колониализме. Так, А. Голубев считает, что можно говорить о полноценной школе исторического антиколониализма применительно к советской исторической науке 1920–1930-х гг.² Не вдаваясь в дискуссию о правомерности рассматривать это явление через призму схолярной проблематики, можно подчеркнуть, что изучение антиколониального дискурса советских историков является слабо разработанным, но чрезвычайно перспективным направлением исследований.

В своей статье я сконцентрируюсь на анализе историографических штудий историков-марксистов, игравших ключевую роль в критике национально-государственного нарратива

1 Об этом см.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011; *Хирш Фр.* Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М., 2022.

2 *Golubev A.* No Natural Colonization: the Early Soviet School of Historical Anti-Colonialism // *Canadian Slavonic Papers*. 2023. № 2 (65). P. 190–204.

дореволюционной историографии. Фактически историки-марксисты проводили деконструкцию концепций своих оппонентов, рассматривая их, следуя марксистской парадигме, в качестве ширмы, обслуживающей классово-идеологические интересы скрывающихся за ней политических сил. Именно с «историографической зачистки» и начинала создаваться новая, построенная на радикальном антиколониальном дискурсе история народов СССР.

М. Н. Покровский как гуру антиколониализма

Пришедшие к власти большевики столкнулись с тем, что ученые по отношению к ним были настроены преимущественно враждебно³. Разумеется, новую власть такая ситуация не устраивала и, несмотря на трудности гражданской войны, они быстро бросили силы на решение проблем науки и образования. В этом проявился их взгляд на науку не только как на обладающую гуманитарной функцией, но и как на важный инструмент утверждения собственного политического строя и построения нового, социалистического, общества. Согласно марксистской парадигме, знание всегда носит классовый оттенок, а господствующие классы, обладая властью, способны навязывать свою идеологию угнетенным массам. Чем и занималась, по мнению большевиков, старая историческая наука, рассматриваемая ими как форма пропаганды царизма, империализма и буржуазии. Новому, пролетарскому, обществу нужна была новая историческая наука.

Профессиональным историком в рядах РСДРП(б) (примкнул к партии в 1905 г., но часто примыкал к различным фракциям) считался Михаил Николаевич Покровский. Будучи учеником В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова, он имел публикации еще до революции, в том числе являлся автором и соавтором многотомных «Очерков русской истории с древнейших времен» (1910–1912) и «Очерков истории русской культуры» (1915–1918). В то время М. Н. Покровский уже обладал определенной извест-

3 Подробнее о динамике взаимодействия ученых и новой власти см.: Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. Глава 8-9; Долгова Е. А. Рождение советской науки: ученые в 1920-1930-е гг. М., 2020.

ностью в научных кругах. Причем если российские университетские и академические «мандарины», стоявшие на консервативных или либерально-консервативных позициях, негативно и свысока относились к его студиям, то более либеральная и левацки настроенная часть историков, преподававшая, как правило, в негосударственных учреждениях, воспринимала их с интересом. Одновременно он много публикуется в популярных журналах и энциклопедиях. В годы Первой мировой войны он солидаризировался с позицией В. И. Ленина о необходимости перерастания войны империалистической в войну против правительств воюющих стран, что обеспечило ему прочное место в большевистской партии.

После Октябрьской революции карьера М. Н. Покровского резко пошла вверх. Он становится важным руководителем науки и образования в Советской России: заместитель наркома просвещения РСФСР (1918–1932), председатель президиума Социалистической (Коммунистической) академии, ректор Института красной профессуры, председатель Общества историков-марксистов, заведующий Централхивом РСФСР и СССР. Разумеется, именно он становится главным историком страны. Стержнем его исторической концепции стала теория торгового капитализма, которому противостоял промышленный (производительный) капитал. С его точки зрения, на протяжении большей части русской истории государство обслуживало интересы торгового капитализма. В качестве популярного пособия по истории им публикуется «Русская история в самом сжатом очерке» (1920–1923), одобренная самим В. И. Лениным⁴.

Старая академическая элита оценивала нового классика скорее негативно, хотя и вынуждена была с ним сотрудничать. В свою очередь именно М. Н. Покровский стал ключевой фигурой в формировании нового, т. н. марксистского поколения ученых, выступая куратором и научным наставником молодых историков. Центрами подготовки новой научной элиты высту-

4 Некоторые биографии М. Н. Покровского и анализ его трудов: Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970; Enteen G. The Soviet Scholar-Bureaucrat: M. N. Pokrovskii and the Society of Marxist Historians. Pennsylvania, 1979; Чернобаев А. А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского. М., 1992; Володьков О. П. Концепция торгового капитализма М. Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932 гг.). Омск, 2011.

пали Коммунистические университеты, а затем и специализированный Институт красной профессуры (ИКП)⁵. Особенностью обучения в данных заведениях являлось стремление сделать акцент на практическом усвоении материала, разрушить границы между теорией и практикой. Основой обучения становились семинары. Конечно, реальность часто расходилась с теорией: уровень подготовки многих слушателей просто не позволял им успешно воспринимать такой подход, а активная самостоятельная работа оставалась благим пожеланием.

1920-е гг. традиционно оцениваются как период относительной свободы и сосуществования двух историографических культур — т. н. историков старой школы и историков-марксистов, красных профессоров. Первые во многом стремились продолжать традиции дореволюционной историографии (пусть и осваивали, кто-то больше, кто-то меньше, некоторые новые веяния), вторые — утвердить новую, марксистскую историческую науку. Было бы неверным рассматривать обе группы как непримиримых врагов, кое-чему они учились друг у друга, находили точки соприкосновения и взаимодействовали⁶. Тем не менее для историков-марксистов «историки старой школы» стали целенаправленно сконструированным образом «идеологического конкурента», представлявшего обреченные классы⁷.

-
- 5 О структуре советской исторической науки, исторического образования и конкретно Института красной профессуры см.: *Груздинская В. С., Ключев А. И., Метель О. В.* Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920–1930-х гг. Омск, 2018. Очерк 3; *Долгова Е. А.* Рождение советской науки. Глава 4.; и др.
- 6 См.: *Сидорова Л. А.* Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений. М., 2008. Главы 1–2; *Тихонов В. В.* Историческая наука в 1920-е годы: историографические заметки // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 30 (321). С. 101–108; *Гришина Н. В.* Историческая наука в первое десятилетие советской власти в самоощущениях отечественных гуманитариев // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 30 (321). С. 109–113; *Гришина Н. В.* Отечественная наука и власть в 1910–1920-е гг.: к вопросу о модели взаимоотношений // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 1 (1). С. 70–76; Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.) / В. Ю. Волошина, В. С. Груздинская, Д. М. Колеватов, В. П. Корзун. Омск, 2020. С. 25–37; и др.
- 7 *Сидоров А. В.* Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М.; Симферополь, 1998. С. 55–67; *Иллерицкий В. Е.* Советская историография отечественной истории. Очерки развития историографии истории СССР (1917–1960 гг.). М., 2006. Глава 1; *Сидорова Л. А.* Историографическое наследие в новых образовательных стратегиях коммунистических университетов 1920-х годов // История и историки. Историографический вестник. 2015–2019. М., 2021. С. 87–111.

Следует указать, что национальная проблематика никогда не была коньком М. Н. Покровского, однако в его публикациях можно найти немало высказываний на эту тему, образующих достаточно цельную и последовательную концепцию. Особое значение играли его историографические работы, в которых критиковался национальный/националистический подход к истории.

Так, уже в статье 1904 г., посвященной разбору известной концепции немецкого историка Г. Риккерта о разделении наук на идеографические и номотетические, М. Н. Покровский критиковал немецкую историографическую традицию за культивирование национального взгляда на историю, переходящего в национализм. Причем схожие тенденции он видел и в русской исторической науке, пребывавшей тогда под сильным влиянием немецкой⁸.

После 1917 г. антиколониалистский пафос историков-марксистов только усилился. М. Н. Покровский отрицал уникальный путь развития России или какую-то ее особую цивилизационную миссию, считая русскую историю в основных чертах схожей с развитием других европейских стран. В том числе и поэтому он негативно относился к представлениям о мирной ассимиляции туземных народов в ходе славянской (точнее славяно-русской, как говорили в XIX в.) колонизации или каком-то особом, построенном на уважении и веротерпимости, режиме взаимоотношений великорусского центра и национальных окраин, которые М. Н. Покровский однозначно считал колониями. В этой связи он многократно подчеркивал колониальную сущность Российского государства и агрессивный характер ее внешней политики (впрочем, как и других великих держав)⁹, считал, что Российская империя не имела принципиальных отличий от великих колониальных империй Европы, преследуя схожие цели и используя схожие методы в своей завоевательной политике и т. д. Особенно его негодование вызвало игнорирование роли нерусских народов в развитии отечественной истории.

8 Покровский М. Н. «Идеализм» и «законы истории» // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Историографические очерки, критические статьи и заметки. Т. 2. 2-е изд. М., 2011. С. 36-37.

9 См.: Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. ст. М., 1923.

В условиях национальной политики 1920-х гг. это расценивалось как проявление «великорусского шовинизма». А. Л. Юрганов отметил, что М. Н. Покровский избегал использовать понятие Русское государство, чтобы обойти какие-либо узконациональные или националистические коннотации, предпочитая термин Московское государство¹⁰.

Исторический процесс объяснялся им через призму концепции торгового капитализма. С его точки зрения, территориальную экспансию России следует объяснять не мирной колонизацией или оборонными задачами (борьбой с кочевниками и защитой единоверцев), а интересами торгового капитализма, искавшего новые рынки сбыта и стремившегося утвердиться на важных торговых путях. Идею «мифической “национальной обороны”», по мнению М. Н. Покровского, создал именно капитализм, оправдывая тем самым свои интересы. Такой подход позволял тесно связать историю многонациональной империи с экономическим (в интерпретации М. Н. Покровского) развитием ее центра и классовыми факторами исторического процесса.

Как уже отмечалось выше, особое внимание к проблемам истории нерусских народов уделялось в его историографических текстах. И это не парадокс. Дело в том, что М. Н. Покровский активно развенчивал наследие «буржуазных» историков и их современных последователей. Следуя марксистской доктрине, историк отрицал возможность объективистского отображения истории, считая претензии на это всего лишь идеологическим камуфляжем («идеологической оболочкой», в его терминологии), а историографию оценивал как разновидность идеологии, причем идеологии враждебной советскому строю. В лекциях слушателям Коммунистического университета им. Зиновьева в 1923 г. он предостерегал от восприятия трудов дореволюционных историков как источника объективных фактов: «Это идеология, т. е. отражение фактов — я не знаю, как сказать — в вогнутом или выпуклом зеркале с чрезвычайно неисправной поверхностью»¹¹. Здесь М. Н. Покровский следовал за представ-

10 Юрганов А. Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 25.

11 Покровский М. Н. Борьба классов и русская историческая наука // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Историографические очерки, критические статьи и заметки. Т. 1. 2-е изд. М., 2012. С. 10.

лением Маркса об идеологии как «ложном сознании». Соответственно ложное сознание подлежит «дешифровке», и М. Н. Покровский часто упоминает, что его слушатели должны овладеть умением обращаться с шифром, видеть за явлением классовую подоплеку. Ярко эту мысль он выразил в своем предисловии к сборнику трудов участников его историографического семинара: «Научную историографию можно построить, как и научную историю, только на классовом принципе. Только классовый подход поможет нам расшифровать бесчисленные исторические контрверсы, найти ключ к бесконечным, тянувшимся иногда веками историческим спорам, показав нам эти споры как столкновения различных классовых точек зрения»¹².

Помимо вычленения классовой подоплеки историографического процесса М. Н. Покровский особое внимание уделял выявлению националистических тенденций. В его представлениях дореволюционная историческая наука была пронизана открытыми и скрытыми националистическими концепциями. Например, утвердившееся со времен Н. М. Карамзина¹³ представление о том, что русская история являлась процессом «собирания земель», маскировало тот факт, что российское государство на разных этапах своего развития являлось активным и агрессивным завоевателем¹⁴. Кроме того, данная концепция постулировала особый путь исторического развития России, противопоставляя его истории других европейских стран, захватывавших колонии. В этом М. Н. Покровский также слышал славянофильские и, по сути, шовинистические нотки. Появление концепции «собирания земель» Н. М. Карамзина М. Н. Покровский связывал с торговым капитализмом, склонным к территориальной экспансии в интересах торговли, а Карамзин выступал его «историографическим агентом». В свою очередь «историк-агенты» промышленного капитала (речь идет в основном о т. н. государственной школе) сформулировали концепцию особой роли государства

12 Покровский М. Н. Предисловие к сборнику статей «Русская историческая литература в классовом освещении», т. 1. // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Т. 1. С. 119.

13 М. Н. Покровский в другой работе уточнял, что эта теория вошла в «состав "железного инвентаря" русской историографии» со времен Екатерины II. См. статью 1923 г.: Покровский М. Н. Откуда взялась теория внеклассового развития русского самодержавия // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Т. 1. С. 183.

14 Покровский М. Н. Борьба классов и русская историческая наука. С. 27.

в русской истории, отразив тем самым интересы промышленных кругов, тесно связанных с государственным заказом и нуждающихся в государственной поддержке.

Как националистическую М. Н. Покровский оценивал и теорию «борьбы леса и степи» С. М. Соловьёва¹⁵. По его мнению, она оправдывала захваты земель сопредельных исламских народов, объясняя это мифической охраной собственной территории (к экспансии на восточном и южном направлениях Московское государство, с его точки зрения, перешло уже тогда, когда реальная опасность от кочевых народов сошла на нет) и особой миссией защиты христианства. В схожем с Соловьёвым ключе рассуждал и В. О. Ключевский, создававший свой курс русской истории в условиях общеевропейского подъема национальной идеи. Поэтому русскую историю он представлял как процесс формирования национального общерусского государства, инкорпорирующего (но не покоряющего огнем и мечом) другие народы¹⁶. Оппонентами концепции общерусской истории выступали историки-федералисты, к которым М. Н. Покровский причислил Н. И. Костомарова и М. С. Грушевского. Их он считал выразителями классового сознания мелкой буржуазии, испуганной наступлением промышленного капитала, а главной их целью — разрушение «понятия единого русского исторического процесса»¹⁷.

Прозелиты антиколониализма

Итак, М. Н. Покровский, придававший огромное значение историографическим штудиям, видел в них эффективный инструмент «дешифровки» и разоблачения немарксистской историографии и ее «националистической» сущности. В Институте красной профессуры он организовал историографические семинары, первый из которых прошел в 1924–25 учебном году¹⁸. По

15 Там же. С. 49, 56–57.

16 Там же. С. 66–67. См. также: Покровский М. Н. Откуда взялась теория внеклассового развития русского самодержавия. С. 190–192.

17 Покровский М. Н. Борьба классов и русская историческая наука. С. 76.

18 Об этом подробнее см.: Артизов А. Н. Историографические семинары М. Н. Покровского // История и историки. 1995. М., 1995. С. 185–199.

итогах работы семинара было опубликовано два сборника (1927 и 1930 гг.) статей его участников. Они носили говорящее название «Русская историческая литература в классовом освещении».

Разоблачение «великорусского шовинизма» в историографии продолжил З. В. Лозинский, подготовивший очерк, посвященный С. М. Соловьёву. В нем подчеркивались великодержавные взгляды историка, что даже было вынесено в заголовок. В освещении проблемы национальных историй автор повторял основные положения своего учителя, М. Н. Покровского. З. В. Лозинский писал: «На процесс образования русского государства Соловьёв смотрит глазами националиста-великоросса. Он отрицает сколь-нибудь значительное влияние других народностей, кроме великорусов, на ход русской истории...»¹⁹ С. М. Соловьёв упрекался за увлечение теорией «леса и степи», замалчивание исторической роли нерусских народов, за культ государства и т. д.

Во втором выпуске значительное внимание национальным вопросам в историографии было уделено в очерке М. А. Рубача²⁰, посвященном федералистским теориям XIX в. Эта статья интересна еще и тем, что ее автор — украинский историк, чья историографическая традиция всегда была чувствительна к национальной составляющей историописания. Еще один важный нюанс. Он уведомил, что работа была написана в декабре 1924 — апреле 1925 г., сдана в печать в 1926 г., но выходит только теперь — в 1929 г. (в реальности — в 1930 г.). Формально сделано это было для того, чтобы объяснить отсутствие упоминаний новой литературы по вопросу. Однако, возможно, нужно учитывать и другое. 1 декабря 1929 г. прошли аресты по делу «Союза освобождения Украины», сопровождавшиеся обвинением арестованных в контрреволюционной деятельности, «сменовеховстве». Очевидно, что процесс был направлен против старой украинской интеллигенции и местных национал-коммунистов²¹. Пока ру-

19 Лозинский З. С. М. Соловьёв — историк великодержавной России // Русская историческая литература в классовом освещении: сб. ст. / предисл., под ред. М. Н. Покровского. Вып. 1. М., 1927. С. 243.

20 О нем см.: Михайло Рубач: Архівіст, історик, педагог: спогади. Дослідження. Джерела / голов. ред. В. П. Ляхоцький. Київ, 2000.

21 Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 343–350.

копись шла в типографии, автор мог успеть сделать небольшое примечание, несколько сглаживающее его недостаточно острую критику украинского «национализма». Впрочем, из выходных данных не ясно, когда книга была подписана в печать.

Текст открывался классификацией типов федерализма. М. А. Рубач выделял: феодальный («борющийся с центризмом абсолютизма»), мелкобуржуазный («направленный против социально-экономического угнетения торгового и промышленного капитала, политически организованного в централизованном государстве»), наконец, национально-государственный («связанный с развитием промышленного капитализма в национально-угнетенных странах, борющийся с политическим и экономическим централизмом великодержавных наций и государств»)²². Автор указывал, что именно национальные окраины Российской империи стали питательной средой для федералистских теорий.

Анализируя теории федерализма, М. А. Рубач указывает, что они противостоят идее централизации и поэтому могут существовать только в условиях борьбы между колониями и метрополией: «Потом, чем более национальное движение приближается к осуществлению своей цели, чем больше становится его сила, тем больше федерации отходят на задний план, заменяясь лозунгом создания “своего” совершенно независимого и самостоятельного государства»²³. Федерализация при национально-государственном, капиталистическом государстве невозможна, поскольку федерализация быстро сменяется лозунгом создания нового национального государства и последующей централизацией. Подлинная реализация этой идеи может быть только в социалистическом государстве, коим и является СССР, в котором уже решены национальные вопросы.

Рассматривая федералистские концепции Костомарова, Щапова, Павлова, Драгоманова, М. А. Рубач признает, что «федерализм в условиях царского самодержавия в свое время был бесспорно революционным течением общественно-политической мысли и в истории первым резко выступил против офи-

22 Рубач М. А. Федералистские теории в истории России // Русская историческая литература в классовом освещении: сб. ст. / предисл., под ред. М. Н. Покровского. Вып. 2. М., 1930. С. 3.

23 Там же. С. 8.

циальной и общепринятой историографии, выступил против самодержавия, бюрократического централизма, крепостного права и т. д.»²⁴ Однако он подчеркивал недолговечность федералистских концепций, поскольку их сторонники, следуя указанной выше закономерности перехода федерализма в централизм, рано или поздно примыкали к какому-либо национальному историографическому течению. «Призванные разрушить схему единой русской истории и “собираания всея Руси” в единую неделимую державу, федералистические теории расчленяют ее на составные части, из которых она некогда “сбиралась”. На ее развалинах они строят ряд самостоятельных собственных историй, давая историческое обоснование национально-государственному возрождению национально угнетенных народов»²⁵. Н. И. Костомаров, подчеркивавший особенности древнерусских племен, противопоставлялся С. М. Соловьёву, видевшему только однородную этническую массу. Указывалось, что Костомаров стал первым ученым, «начавшим в истории систематическую и решительную борьбу с самодержавием и царизмом»²⁶.

Продолжателем линии Костомарова (а также Драгоманова) М. А. Рубач называет М. С. Грушевского. Только концепция Грушевского (которую автор статьи определил как «украинский национальный федерализм») отражала уже новый этап украинского национального движения, ставшего массовым и вступившего в национально-государственный период борьбы. Стержнем подхода Грушевского стало отрицание общерусской истории.

Оценивая Грушевского как историка, М. А. Рубач признает, что тот не являлся марксистом, оставаясь на идеалистических позициях. Однако затем он прибегает к приему, который можно обозначить как «советизацию» Грушевского, чьи конкретно-исторические наработки признаются вполне материалистическими. Впрочем, после 1917 года идеализм Грушевского только усилился. Но тот оценивается вполне позитивно, признается «крупнейшим историком», в том числе и как борец с романтическими измышлениями в украинской истории: «Работы Грушевского по истории украинского народа завершают целый этап раз-

24 Русская историческая литература в классовом освещении. С. 24–25.

25 Там же. С. 25.

26 Там же. С. 62.

вития украинской буржуазной историографии. Они закончили разрушение великодержавной схемы русской истории, создали самостоятельную, националистически-буржуазную схему украинской истории»²⁷. Именно они стали одной из основ идеологии «Великой Украины».

Историографический очерк М. А. Рубача должен был критически «проработать» федералистскую историографию национальных окраин. Но в целом она оценивалась гораздо революционнее, чем «великодержавная», и тем самым оказывалась ближе к большевикам. За Костомаровым, Щаповым и Грушевским признавались серьезные заслуги и определенная актуальность.

В схожем ключе рассуждал и выпускник Института красной профессуры А. В. Шестаков, подготовивший в 1925 г. статью «Проблемы истории народностей Востока в русской истории». Статья так и не была опубликована. Возможно, ее появление было как-то связано с историографическим семинаром М. Н. Покровского. Во всяком случае, А. В. Шестаков, окончивший ИКП в 1924 г., теоретически мог иметь какое-то отношение к семинарам, первый из которых пришелся на 1924/25 учебный год. Кроме того, Шестаков с большим пиететом относился к М. Н. Покровскому, что и нашло отражение в его историографической статье. Во многом она носит направляющий характер, отмечая перспективы дальнейшей экспансии марксистской историографии.

В самом начале он сетовал на то, что история до сих пор преподается как история русская. Обращаясь к историографической традиции, он указывает, что стремление уйти от великорусского взгляда на историю можно было наблюдать в трудах Н. И. Костомарова. Историки-марксисты, Н. А. Рожков и М. Н. Покровский, постарались отойти от традиционных для буржуазной исторической науки схем, но «вся их задача сводилась к постановке истории с головы на ноги, не могли уделить должного внимания истории народов, входивших в состав России»²⁸. Относительно повезло Украине и Западным губерниям Российской империи, которым немало внимания уделяли буржуазные ученые и историки-марксисты. Так, М. Н. Покровский уделил известное внимание народам Востока, но сделал это

27 Там же. С. 107.

28 Архив Российской академии наук (Архив РАН). Ф. 638. Оп. 1. Д. 177. Л. 2.

в традиционном формате, когда они вписывались в процесс русских завоеваний и расширения империи.

Таким образом, подчеркивал А. В. Шестаков, история народов — не просто перспективное направление, но необходимый рубеж в построении марксистской историографии. Труды М. Н. Покровского, по мнению А. В. Шестакова, должны стать ориентиром для тех, кто стремится по-новому представить историю нерусских народов.

Автор, не без пафоса, провозглашал: «Таким образом, мы стоим перед фактом необходимости соответствующей “ревизии” в изучении русской истории, перед необходимостью внести в нее нужные поправки с точки зрения того политического положения, в которое сейчас поставлена старая Россия, замененная Союзом ССР, т. е. Союзом тех народностей, которые на равных правах с великоруссами строят свою историю, строят социализм. И под углом этого строительства социализма с точки зрения преодоления “отсталых общественных укладов”, с точки зрения внекапиталистического развития отдельных частей и народов нашего Союза настала пора решительного пересмотра старых исторических концепций и создания новой истории, истории народов СССР»²⁹. Изучение истории народов СССР виделось Шестакову своеобразным культурным возмещением ужасов царской эксплуатации предыдущих столетий.

Необходимость поворота советской исторической науки на Восток А. В. Шестаков объясняли внешними «историографическими угрозами». Речь идет о концепции евразийцев, которую он объявляет «белогвардейской»: «Нас обязывает не только долг перед старыми грехами, но и те новые “теории”, которые развиваются белой эмиграцией, пытающейся пересмотреть свои взгляды на русскую историю и русский народ с точки зрения возможностей возврата прошлого. Уже несколько лет белогвардейская печать на все лады трактует вопрос о так называемой эвразии (так в тексте. — В. Т.), доказывая, что Россия и в прошлом и в настоящем совсем не была ни в какой степени Европой, а представляла и представляет из себя нечто вроде ублюдка, в котором азиатское начало является преобладающим. Из этой теории вытекает, что большевистская власть в СССР — это тоже

29 Архив РАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 177. Л. 5.

своего рода азиатское начало, которое должно погибнуть, так как Азия вообще никак не может противостоять Европе»³⁰.

А. В. Шестаков подчеркивал: «Чем дальше на Восток и чем ближе к нашему времени мы берем изучение вопроса истории отдельных народностей, тем все больше и больше перед нами открываются пустые страницы русской истории. В ней отсутствует история мелких народностей Поволжья, история народов Сибири, калмыков, башкир, казаков. Все эти народы появляются даже в марксистских исторических курсах совершенно неожиданно, лишь только в тех случаях, когда “русская государственность” выступает против них с оружием в руках»³¹. Выход один: отказ от «великорусского» взгляда на нерусские народы и признание их в качестве полноправных исторических субъектов.

«Великий перелом»

Начало «великого перелома» в 1929 г. и старт культурной революции, согласно официальной идеологии, обострили ситуацию на «идеологическом фронте» и потребовали борьбы со старыми «спецами», аналогом которых в историографии являлись историки старой школы. На этом фоне критика буржуазных историков должна была усилиться. Методологической основой критики стали реконструированные выше историографические подходы М. Н. Покровского.

М. Н. Покровский воспроизвел и заострил их в 10-м издании «Русской истории в самом сжатом очерке» (1931)³². Особенно его беспокоило то, что данные теории продолжали жить и в постреволюционное время. Откликаясь на публикацию книги М. К. Любавского «Образование основной государственной территории великорусской народности» (Л., 1929) и вспомнив при этом более раннюю монографию А. Е. Преснякова «Образование великорусского государства» (Пг., 1918), он критиковал их за воспроизводство представлений о том, что русское государство

30 Там же. Л. 5–6.

31 Там же. Л. 9.

32 Покровский М. Н. Как и кем писалась русская история до марксистов // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Т. 1. С. 101–117.

было создано исключительно великорусами, а сама «великорусская народность» сформировалась путем мирной ассимиляции инородцев. Он подчеркивал, что этот процесс проходил тяжело и с чрезмерным насилием. В качестве примера М. Н. Покровский подробно остановился на истории завоевания мордвы и мари. Касательно мордвы он писал: «...Мордва сдалась, мы видели, не без бою, и только самыми отчаянными и беспощадными средствами удалось подавить последние попытки ее сопротивления угнетателями. Причем, едва ли нужно это говорить, физически, разумеется, не были истреблены все мордовские племена или хотя бы большинство их. Князьям-завоевателям и их боярам, словом, русской феодальной знати нужны были рабы, а не трупы»³³. Покорение мари в XVI в. состоялось при помощи стратегии «разделяй и властвуй», когда была сделана ставка на стравливание горных и луговых мари. Такой подход М. Н. Покровский сравнивал с политикой царизма во время Кавказской войны XIX в.

Ярым критиком «буржуазного национал-шовинизма» выступил С. А. Пионтковский. 10 октября 1930 г. он представил доклад на заседании Общества историков-марксистов на тему «Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия»³⁴. Для понимания контекста доклада следует учитывать, что уже всюду шли аресты по т. н. «Академическому делу» и упомянутые в докладе С. В. Бахрушин и М. К. Любавский уже были арестованы. Возможно, радикальности выступавшему добавило и то, что его самого в марте 1930 г. провалили на выборах в президиум Общества историков-марксистов³⁵. Теперь ему хотелось продемонстрировать свою идейную принципиальность и непримиримость.

В первую очередь докладчик обрушился на классика — В. О. Ключевского: «Ключевский — это представитель великорусского шовинизма, прежде всего, ярый русификатор по всему

33 Покровский М. Н. Возникновение Московского государства и «великорусская народность» // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Т. 1. С. 279.

34 Пионтковский С. Великодержавные тенденции в историографии России // Историк-марксист. 1930. № 17; Он же. Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. Т. 18–19.

35 Дневник историка С. А. Пионтковского. Казань, 2009. С. 313–314; Дубровский А. М. Историки в 1930-х гг.: Судьбы и восприятие жизни. М., 2018. С. 110–111.

русскому, по всему русскому облику, представитель торговых группировок, кулацких группировок буржуазии»³⁶. Традиции учителя продолжили и его ученики. Пионтковский припомнил Бахрушину, что еще в сборнике 1909 г. в честь С. Ф. Платонова тот утверждал, будто поляки склонны к хвастовству. В более свежей книге Бахрушина «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.»³⁷ он обнаружил, что автор считает сибирских аборигенов дикарями, а завоевание Сибири («колониальный грабеж») объясняет обороной русских. Исследования М. К. Любавского оценивались не менее резко: «Точно так же ключом бьет национал-шовинизм и в работе Любавского»³⁸ ... С одной стороны, мы видим апологию в отношении собственности, с другой стороны — апологию русской буржуазии, национал-шовинистической программы великорусской буржуазии»³⁹. Вердикт: «Великорусская буржуазная историография на всем протяжении революции защищала интересы великорусских собственников. Она вся пропитана острейшим национализмом»⁴⁰. Нет нужды объяснять, что докладчик представил сильно упрощенную оценку и куда менее квалифицированную, чем М. Н. Покровский.

В 1931 г. у С. А. Пионтковского вышла небольшая книга «Буржуазная историческая наука в России», фактически направленная против историков, жертв «Академического дела»⁴¹. В ней автор заострял марксистскую максиму об идеологической природе знания: «История — это определенный вид идеологии, определенная форма идеологии, и как таковая, как всякая идеология, она теснейшим образом связана с теми классами, которые в исторической форме говорят о своих современных стремлениях и чаяниях»⁴². Он подчеркивал, что для дореволюционных историков был характерен культ государства. Помимо этого, особое внимание «буржуазных историков» привле-

36 Доклад С. А. Пионтковского «Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия». 10 октября 1930 г. // Архив РАН. Ф. 377 (Общество историков-марксистов при Комакадемии). Оп. 2. Д. 229. Л. 4.

37 Книга была сдана в печать не позднее конца 1922 г., но вышла только в 1928 г.: Дубровский А. М. С. В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 58-59.

38 Речь идет о книге: Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности: заселение и объединение центра. Л., 1929.

39 Архив РАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 229. Л. 13.

40 Там же. Л. 14.

41 Дубровский А. М. Историк в 1930-х гг. С. 120-122.

42 Пионтковский С. А. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931. С. 9.

кали две проблемы: вопрос о национальности и колониальные проблемы. Первое выражалось в особом внимании к истории великороссов и игнорировании субъектности других народов. В понимании С. А. Пионтковского Г. В. Чичерин, С. М. Соловьёв и В. О. Ключевский стояли на «великорусско-буржуазных национал-шовинистических позициях»⁴³. К началу XX в. «великорусские» позиции сменились «российскими», согласно которым признавался вклад в общероссийскую историю великорусского, украинского и белорусского ядра. Такой взгляд он обнаруживал у М. К. Любавского и А. Е. Преснякова. Российскую концепцию Пионтковский рассматривал как закамуфлированное русификаторство, уничтожение особенностей ветвей русского племени. Национал-шовинистической он считал и концепцию колонизации. Автор считал, что устойчивый круг проблем, присущий дореволюционной исторической науке (среди которых вопросы колонизации и национальности занимали одно из ведущих мест), определялся тем, что российская буржуазия стремилась к эксплуатации доступных ей колоний Российской империи. В поддержании данной традиции обвинялись С. Ф. Платонов, С. В. Бахрушин, М. К. Любавский, тюрколог А. И. Маркевич и др. Марксистская историография, призывал С. А. Пионтковский, должна покончить с националистическим наследием и дать полноценную историю, «ленинскую схему», не только великороссов, но и других народов СССР.

Заключение

Итак, в 1920-е гг. антиколониальный вектор развития советской историографии пролегал в первую очередь через историографические штудии. «Красные профессора» проводили дешифровку и критику наследия дореволюционных классиков исторической науки и их последователей. Советские историки-марксисты не только развернули кампанию критики национального-государственного нарратива, но и стремились выработать новый подход к истории нерусских народов. «Историографическая зачистка» открыла дорогу для нового подхода к презентации истории Со-

43 Там же. С. 10.

ветского Союза.

На Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов (28.12.1928–4.1.1929) было решено отказаться от маркировки «История России» и перейти к определению курса отечественной истории как «Истории народов СССР», в котором историческое развитие презентовалось бы с позиций исторического равноправия народов, населяющих Советский Союз, а не как процесс собирания русским государством нерусских народов. Однако такой формат продержится относительно недолго и во второй половине 1930-х гг. постепенно сменится советской версией патриотического нарратива, построенного на акцентировке роли русского государства в собирании земель и народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Артизов А. Н. Историографические семинары М. Н. Покровского // История и историки. 1995. М.: Наука, 1995. С. 185–199.
- Володьков О. П. Концепция торгового капитализма М. Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932 гг.). Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2011. 567 с.
- Гришина Н. В. Историческая наука в первое десятилетие советской власти в самоощущениях отечественных гуманитариев // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 30 (321). С. 109–113.
- Гришина Н. В. Отечественная наука и власть в 1910–1920-е гг.: к вопросу о модели взаимоотношений // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 1 (1). С. 70–76.
- Груздинская В. С., Клюев А. И., Метель О. В. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920–1930-х гг. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2018. 171 с.
- Дневник историка С. А. Пионтковского / отв. ред. А. Л. Литвин. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2009. 516 с.
- Долгова Е. А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: РГГУ, 2020. 471 с.
- Дубровский А. М. Историки в 1930-х гг.: Судьбы и восприятие жизни. М., 2018. 277 с.
- Дубровский А. М. С. В. Бахрушин и его время. М.: Изд-во УДН, 1992. 165 с.
- Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.) / В. Ю. Волошина, В. С. Груздинская, Д. М. Колеватов, В. П. Корзун. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2020. 336 с.
- Иллерицкий В. Е. Советская историография отечественной истории: Очерки развития историографии истории СССР (1917–1960 гг.). М.: РГГУ, 2006. 179 с.
- Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности: заселение и объединение центра. Л.: Акад. наук СССР, Ар-

- хеогр. комиссия, 1929. 175 с.
- Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 662 с.
- Михайло Рубач: Архівіст, історик, педагог: спогади. Дослідження. Джерела / голов. ред. В. П. Ляхоцький. Київ: [Б.и.], 2000. 207 с.
- Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1038 с.
- Пионтковский С. А.* Великодержавные тенденции в историографии России // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 21–26.
- Пионтковский С. А.* Великоорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. Т. 18–19. С. 157–176.
- Пионтковский С. А.* Буржуазная историческая наука в России. М.: Молодая гвардия, 1931. 102 с.
- Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. ст. М.: Красная новь, 1923. 392 с.
- Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. Историографические очерки, критические статьи и заметки. Т. 1. 2-е изд. М.: URSS, 2012. 325 с.
- Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. Историографические очерки, критические статьи и заметки. Т. 2. 2-е изд. М.: URSS, 2011. 448 с.
- Сидоров А. В.* Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М.; Симферополь: Унив. гуманит. лицей, 1998. 229 с.
- Сидорова Л. А.* Историографическое наследие в новых образовательных стратегиях коммунистических университетов 1920-х годов // История и историки: историографический вестник. 2015–2019. М., 2021. С. 87–111.
- Сидорова Л. А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений. М.: ИРИ РАН, 2008. 294 с.
- Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука.* М.: Мысль, 1970. 276 с.
- Тихонов В. В.* Историческая наука в 1920-е годы: историографические заметки // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 30 (321). С. 101–108.
- Хирш Фр.* Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 472 с.
- Чернобаев А. А.* «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского. М.: Лит, 1992. 294 с.
- Юрганов А. Л.* Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 763 с.

- Eenteen G.* The Soviet scholar-bureaucrat: M. N. Pokrovskii and the society of Marxist historians. Pennsylvania State University Press, 1979. 236 p.
- Golubev A.* No Natural Colonization: the Early Soviet School of Historical Anti-Colonialism // Canadian Slavonic Papers. 2023. № 2 (65). P. 190–204.

REFERENCES

- Artizov A. N. Istoriograficheskie seminary M. N. Pokrovskogo // Istoriya i istoriki. 1995. Moscow: Nauka Publ., 1995. P. 185–199. In Russian.
- Volod'kov O. P. Konceptiya torgovogo kapitalizma M. N. Pokrovskogo v sovetskoj istoricheskoy nauke (1918–1932 gg.). Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta, 2011. 567 p. In Russian.
- Grishina N. V. Istoricheskaya nauka v pervoe desyatiletie sovetskoj vlasti v samooshchushcheniyah otechestvennyh gumanitariev // Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. 2013. № 30 (321). P. 109–113. In Russian.
- Grishina N. V. Otechestvennaya nauka i vlast' v 1910–1920-e gg.: k voprosu o modeli vzaimootnoshenij // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. 2014. № 1 (1). P. 70–76. In Russian.
- Gruzdinskaya V. S., Klyuev A. I., Metel' O. V. Ocherki istorii institucional'noj struktury sovetskoj istoricheskoy nauki 1920–1930-h gg. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta, 2018. 171 p. In Russian.
- Dnevnik istorika S. A. Piontkovskogo / otv. red. A. L. Litvin. Kazan': Izd-vo Kazanskogo gos. un-ta, 2009. 516 p. In Russian.
- Dolgova E. A. Rozhdenie sovetskoj nauki: uchenye v 1920–1930-e gg. Moscow: RGGU, 2020. 471 p. In Russian.
- Dubrovskij A. M. Istoriki v 1930-h gg.: Sud'by i vospriyatие zhizni. Moscow, 2018. 277 p. In Russian.
- Dubrovskij A. M. S. V. Bahrushin i ego vremya. Moscow: Izd-vo UDN, 1992. 165 p. In Russian. Iz dvuh uglov: otechestvennyj istoriograficheskij process v ocenke emigrantskih i sovetskikh istorikov (1920–1930-e gg.) / V. YU. Voloshina, V. S. Gruzdinskaya, D. M. Kolevatov, V. P. Korzun. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta, 2020. 336 p. In Russian.
- Illerickij V. E. Sovetskaya istoriografiya otechestvennoj istorii: Ocherki razvitiya istoriografii istorii SSSR (1917–1960 gg.). Moscow: RGGU, 2006. 179 p. In Russian.
- Lyubavskij M. K. Obrazovanie osnovnoj gosudarstvennoj territorii velikoruskoj narodnosti: zaselenie i ob"edinenie centra. Leningrad: Akad. nauk SSSR, Arheogr. komissiya, 1929. 175 p. In Russian.
- Martin T. Imperiya «polozhitel'noj deyatel'nosti»: Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939. Moscow: ROSSPEN, 2011. 662 p. In Russian.
- Mihajlo Rubach: Arhivist, istorik, pedagog: spogadi. Doslidzhennya. Dzhherela / golov. red. V. P. Lyahoc'kij. Kiiiv, [B.i.], 2000. 207 p. In Ukrainian.
- Nauka i krizisy: Istoriko-sravnitel'nye ocherki. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2003. 1038 p. In Russian.
- Piontkovskij S. A. Velikoderzhavnye tendencii v istoriografii Rossii // Istorik-marksist. 1930. № 17. P. 21–26. In Russian.
- Piontkovskij S. A. Velikoruskaya burzhuaznaya istoriografiya poslednego desyatiletija // Istorik-marksist. 1930. T. 18–19. P. 157–176. In Russian.
- Piontkovskij S. A. Burzhuaznaya istoricheskaya nauka v Rossii. Moscow: Molodaya gvardiya, 1931. 102 p. In Russian.
- Pokrovskij M. N. Diplomatiya i vojny carskoj Rossii v XIX stoletii. Sb. st. Moscow: Krasnaya nov', 1923. 392 p. In Russian.
- Pokrovskij M. N. Istoricheskaya nauka i bor'ba klassov. Istoriograficheskie ocherki, kriticheskie stat'i i zametki. T. 1. 2-e izd. Moscow: URSS, 2012. 325 p. In Russian.

- Pokrovskij M. N.* Istoricheskaya nauka i bor'ba klassov: Istoriograficheskie ocherki, kriticheskie stat'i i zametki. T. 2. 2-e izd. Moscow: URSS, 2011. 448 p. In Russian.
- Sidorov A. V.* Marksistskaya istoriograficheskaya mysl' 20-h godov. Moscow; Simferopol': Univ. gumanit. licej, 1998. 229 p. In Russian.
- Sidorova L. A.* Istoriograficheskoe nasledie v novyh obrazovatel'nyh strategiyah kommunisticheskikh universitetov 1920-h godov // Istoriya i istoriki: Istoriograficheskij vestnik. 2015–2019. Moscow, 2021. P. 87–111. In Russian.
- Sidorova L. A.* Sovetskaya istoricheskaya nauka serediny XX veka: sintez trekh pokolenij. Moscow: IRI RAN, 2008. 294 p. In Russian.
- Sokolov O. D. M. N.* Pokrovskij i sovetskaya istoricheskaya nauka. Moscow: Mysl', 1970. 276 p. In Russian.
- Tikhonov V. V.* Istoricheskaya nauka v 1920-e gody: istoriograficheskie zametki // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 30 (321). P. 101–108. In Russian.
- Hirsh Fr.* Imperiya nacij: Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuza. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 472 p. In Russian.
- Chernobaev A. A.* «Professor s pikoj», ili Tri zhizni istorika M. N. Pokrovskogo. Moscow: Lit, 1992. 294 p. In Russian.
- Yurganov A. L.* Russkoe nacional'noe gosudarstvo: ZHiznennyj mir istorikov epohi stalinizma. Moscow: RGGU, 2011. 763 p. In Russian.
- Enteen G.* The Soviet Scholar-Bureaucrat: M. N. Pokrovskii and the Society of Marxist Historians. Pennsylvania State University Press, 1979.
- Golubev A.* No Natural Colonization: the Early Soviet School of Historical Anti-Colonialism // Canadian Slavonic Papers. 2023. № 2 (65). P. 190–204.